

Дерево

Бессмысленное, злобное, зимой
безлиственное, стадии угля
достигнувшее колером, самой
природой предназначенное для
отчаянья, - которого объем
никак не калькулируется, - но
в слепом повиновении своем
уже переборщившее, оно,
ушедшее корнями в перегной
из собственных же листьев и во тьму -
вершиною, стоит передо мной,
как символ всепогодности, к чему
никто не призывал нас, несмотря
на то, что всем нам свойственна пора,
когда различья делаются зря
для солнца, для звезды, для топора.

1970

Joseph Brodsky (1940 – 1996), the youngest of (11?) *great Russian poets*, Nobel Prize in literature of 1987, US Poet Laureate of 1991. Born in Leningrad, he was tried and prosecuted for “parasitism” in 1964, and forced into emigration in 1972. Taught Russian literature in US and European colleges. Buried in Venice. Used to introduce himself as “an ethnic Jew, Russian poet, English essayist, and American citizen.”

Tree

Malevolent, nonsensical, till March
defoliated since November, at
the stage already when its colors match
burnt anthracite; intended by its fate
for desperation – whose extent eludes
a quantitative estimation – but
turned too unreasonable in its blunt
obedience, – it – deepening its roots
into the humus which once used to be
the leafage of its very crown, and top
into the darkness – stands in front of me:
the symbol of all-weatheriness, a trope
no one imposed on us, despite the truth
that we all naturally reach the part,
when it becomes of very little use
to tell the sun, the star, the ax apart.

1970

Marina Tsvetaeva (1892 – 1941), I believe, is second in Russian poetry only to Alexandre Pushkin. Apparently, Joseph Brodsky shared this view, and moreover, dared to say on record that in the 20th century the world didn't know a greater poet.

Кн. С. М. Волконскому

Стальная выправка хребта
И воронёной стали волос.
И чудодейственный — слегка —
Чуть прикасающийся голос.

Какое-то скольжение вдоль —
Ввысь — без малейшего нажима...
О дух неуловимый — столь
Язвящий — сколь неуязвимый!

Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
— Сиятельный — лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.

В миг отрывающийся — весь!
В лад дышащий — с одной вселенной!
Всегда отсутствующий *здесь*,
Чтоб *там* присутствовать бессменно.

To Prince S. M. Volkonsky

The iron bearing of the spine,
And hair of raven tempered iron.
And touching – as if passing by –
Voice, so miraculously vibrant.

Akin to – free of any stress –
Sail-surfing, gliding, levitating...
Oh, an elusive spirit – as
Impregnable as penetrating!

From all terrestrial – untied.
Oh, the indifference that saddens
– Illustrious – your lofty sight
Observing just the objects' shadows.

At once – entirely in the air!
In rhythm – with the cosmos only!
Maintaining ever-absence *here*
To keep his presence *otherworldly*.

Ученик – 1

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
— О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.
При первом чернью занесённом камне
Уже не плащ — а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остёр!)
И — вдохновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костёр.

15 апреля 1921

Disciple - 1

To be your boy mid all clear-headed pupils,
– Forever – round the clock! –
To wear, while wandering behind your dusty purples,
A stern apprentice cloak.

Mid human throng – to capture the reviving
Air, you one instant breathed,
Grasped by the soul that's by your breath enlivened
As is a cloak by breeze.

To push off – more triumphant than King David –
Plebs with the shoulder's stroke.
From all offenses on this heavy planet
To serve you as a cloak.

Mid weary peers, to be the one who grapples
With slumber, when all yield.
From every rock aimed by the abject rabble –
Yet, not a cloak – a shield!

(Don't ask what for this poem ends abruptly –
That knife was not a fake!)
And ultimately rise, and – smiling raptly –
Forestall you at your stake.

April 15, 1921

Ученик – 2

Есть некий час...

Тютчев.

Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружие
К ногам указанного нам — Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас — как Голос
Вздымающий из своеволья дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час весёлый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Ещё в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, — ещё заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты — одиночества верховный час!

15 апреля 1921

Disciple - 2

There is an hour...

Tyutchev

There is an hour – like unloaded luggage:
When willingly we will subdue our pride.
Time of discipleship: in our life's saga,
Inevitable rite.

That lofty hour, when – we lay our mortars
Down at the feet appointed by – the Hand,
And dutifully change our warrior purples
To camel furs spread on the coastal sand.

That hour, elevating – like the Calling
From our anarchic to heroic lot.
That hour, when – we, overflown, are falling
Like ripened crop, outweighed by our own load.

And comes the time of cheer, the crop has blossomed,
And grain is eager for a grinding stroke.
The law! The law! Yet since the nursing bosom
My ever-longed-for yoke.

Time of discipleship! But we are witting
Of one more light – another dawn we view.
Be truly blessed, you, hereupon succeeding,
Our flagship hour – time of solitude!

April 15, 1921

Две песни (к пьесе Ученик)

1

И что тому костер остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, наши девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пушусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, —
Одна не ведаю о том, —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Two songs (for the play Disciple)

1

And what's to you a smold'ring fire,
When parting is your craft and trade!
Whate'er the morning tide acquired,
The evening tide will drag away.

Shall I in reverent rebelling
Crawl on all fours behind my dream —
The daughter borne inside the belly,
That's not maternal, but marine!

Bite, like an apple, darling laddie,
A half the globe — and think you're free.
Addressing to the ocean eddies,
You nonetheless address to me.

Unlike another, land-born *bella*,
Won't cross her arms in mortal spleen
A daughter borne inside the belly,
That's not maternal, but marine!

Our maidens do not shed salt water,
Don't write, and do not wait in vain!
Oh no, again I'll leave my quarters
For fishing with no net nor seine!

They say my tune is so compelling,
But has no inkling what they mean
The daughter borne inside the belly,
That's not maternal, but marine.

Когда-нибудь, морские струи
Выглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил — морскую!
Морская канула — в моря!»

В коралловом подводном древе
Не ты ль — с серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве,
Не материнском, а морском.

13 июня 1920

2

Вчера ещё в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера ещё до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умён,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слёзы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, чтоа тебе я сделала?»

Once, listening to water murmurs
Aboard a sailer, – I foresee –
You'll say: “I loved an utter mermaid!
The mermaid – sank into the sea!”

In coral underwater dwellings,
Was that your tail – with silver sheen,
The daughter's borne inside the belly,
That's not maternal, but marine?

June 13, 1920

2

Just lately – looked me in the eyes,
And now he sideways gazes cravenly!
Sat till the chirrup through the nights, –
All skylarks now – are singing raven-like!

I'm ordinary, you – sublime,
You're spirited, and I – expressionless.
Oh, women's wailing of all times:
“What have I done to you, my precious?!”

And tear is dew, and blood is balm
To her, in both – bathed to insanity!
Love's not your true – a foster mom,
Expect no justice, nor humanity.

The darlings leave by boats, by trains,
By torrid summers, winters passionless...
And weepings roll across terrains:
“What have I done to you, my precious?!”

Вчера ещё — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил в самоам огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само — что дерево трести! —
В срок яблоко спадает спелое... —
За всё, за всё меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

14 июня 1920

Just lately – cherished like a pearl!
To China likened in importantness!
At once his pretty arms unfurled –
Life rolled out by a rotten quarter-pence!

Before the Judge: a filicide,
I'm standing – timorous, disgraceful.
I will from hell to you recite:
“What have I done to you, my precious?”

To Bed and Table I appeal,
“Why do I bear such pain and misery?”
“Done kissing her – break in the wheel!
Go kiss another,” they are reasoning.

First made me live in utmost heat,
Then – left in steppelands: icy, pleasureless!
That's what you've done to *me*, my sweet!
What have I done to *you*, my precious?

Do not deny – I've got two eyes!
Not mistress anymore – nor pardoner!
I know: Wherever Love resigns,
There soon approaches Death-the gardener.

Why shake the tree? – The apples fall
All by themselves, when ripe and luscious... –
For all forgive me, please – for all
That I have done to you, my precious!

June 14, 1920

Archaischer Torso Apollos

Wir kannten nicht sein unerhörtes Haupt,
darin die Augenäpfel reiften. Aber
sein Torso glüht noch wie ein Kandelaber,
in dem sein Schauen, nur zurückgeschraubt,

sich hält und glänzt. Sonst könnte nicht der Bug
der Brust dich blenden, und im leisen Drehen
der Lenden könnte nicht ein Lächeln gehen
zu jener Mitte, die die Zeugung trug.

Sonst stünde dieser Stein entstellt und kurz
unter der Schultern durchsichtigem Sturz
und flimmerte nicht so wie Raubtierfelle

und bräche nicht aus allen seinen Rändern
aus wie ein Stern: denn da ist keine Stelle,
die dich nicht sieht. Du mußt dein Leben ändern.

1907

Rainer Maria Rilke (1875 – 1926), who in the last year of his life got engaged into a letter exchange with Marina Tsvetaeva and Boris Pasternak, is also famous for his masterfully crafted rhymed metrical poetry (unfortunately in German). Here are two attempts of a German non-speaker to eavesdrop on him (hopefully in English).

Archaic Torso of Apollo

We cannot know his legendary face
with eyes like ripened apples. Yet his torso
gleams, like a candelabrum, still dispersing
the luminescent power of his gaze,

extinguished long ago. Or else, his breast
would not bedazzle you, nor could the tender
inflections of his loins ray smiles, descending
into the dark where procreation rests.

Or else, this stone would seem so warped and cropped
beneath its so translucent shoulders' drop,
and wouldn't, with its pelt, so wildly twinkle,

nor would it rupture, like a supernova,
beyond itself. This fragment's every wrinkle
is watching you. Think your existence over.

1907

Spanische Tänzerin

Wie in der Hand ein Schwefelzündholz, weiß,
eh es zur Flamme kommt, nach allen Seiten
zuckende Zungen streckt -: beginnt im Kreis
naher Beschauer hastig, hell und heiß
ihr runder Tanz sich zuckend auszubreiten.

Und plötzlich ist er Flamme, ganz und gar.

Mit einem Blick entzündet sie ihr Haar
und dreht auf einmal mit gewagter Kunst
ihr ganzes Kleid in diese Feuersbrunst,
aus welcher sich, wie Schlangen die erschrecken,
die nackten Arme wach und klappernd strecken.

Und dann: als würde ihr das Feuer knapp,
nimmt sie es ganz zusamm und wirft es ab
sehr herrisch, mit hochmütiger Gebärde
und schaut: da liegt es rasend auf der Erde
und flammt noch immer und ergiebt sich nicht -.
Doch sieghaft, sicher und mit einem süßen
grüßenden Lächeln hebt sie ihr Gesicht
und stampft es aus mit kleinen Füßen.

Juni 1906, Paris

The Spanish Dancer

Just as a match, awakened by a spark,
Erupts to every side with tongues of fire,
Thus instantly ignited in the dark,
Her dance, clenched tight within spectators' arc,
Begins with ardent twitches, swirls, and spirals.

And suddenly she's fire head to toe.

Then, with a wink, she sets her hair aglow,
And, spinning wild in this provoking game,
Surrenders her entire dress to flame,
From which like startled snakes up for a battle,
Her naked arms arise with click and rattle.

And lo: when to the last engulfed in blaze,
She grasps it all at once, and with the grace
Of prideful daring flings it to the pavement.
And though the flame, enraged by such repayment,
Does not give up, and menaces, and crawls –
Exultantly and confidently grinning,
Maintaining gestures sharp, and posture tall,
She lets her stomp secure the winning.

June 1906, Paris

In fact we didn't have a chance to workshop the previous translation. But, as Prof. Alter said, any translation is a work-in-progress. Having this in mind, I include here one more: my latest and also untested work. Comments are still welcome!

“Гражданин Поэт”

Боже мой (по Борису Пастернаку)

С 19 ноября в Москве находится пояс пресвятой богородицы. В очереди к святыне одновременно стоят до 80 тыс. человек. Время оидания доходит до 26 часов.

Толпа стояла на ветру,
Толпа стояла,
Как строй гвардейцев на смотре
У кардинала.

Тут был и офисный планктон –
Никак столица! –
И плебс, не знающий о том,
Кому молиться.

Dmitry Bykov (b. 1967) is a Russian writer, poet, journalist, tv-journalist, lecturer, scholar, biographer (in particular, the author of an award-winning biography of Pasternak). In Russia's pre-election year 2011, Dmitry Bykov jointly with actor Mikhail Efremov ran the project “*Citizen Poet*.” Every week the independent tv-channel “Dozhd” would broadcast a performance by Efremov of a new poem written by Bykov which in the style of a famous poem of the past (not only Russian, as e.g. Edgar Allan Poe, and William Our Shakespeare were among the “coauthors”) would provide a commentary, often satirical, and always critical of the official governmental position, on an important political event.

“Citizen Poet”

OMG (after Boris Pasternak) [\[listen on youtube\]](#)

Since November 19, the Cincture of the Theotokos (aka the belt of Virgin Mary) is shown in Moscow. Simultaneously up to 80,000 people stand in the line, waiting up to 26 hours.

A throng assembled in a queue,
The throng resembled
The guard of Duke de Richelieu
At noon's assembly.

The Moscow plankton – gentlemen
From every office,
And plebs not knowing how and when
A prayer one offers.

Потомки всех российских драм
И всех идиллий –
Тех, что взрывали этот храм
И возводили.

– Вы русский дух! Вы соль земли
И подвиг веры! –
Кричат присяжные врали
И лицемеры.

И только загнанный изгой,
Сродни поэту,
В них видит тех, кому другой
Надежды нету.

Толпа стояла, как у стен
Эскуриала.
Ей никогда не встать с колен –
Уже вставала.

Народ раздетый и босой,
Тупой во многом,
Вчера стоял за колбасой,
Сейчас – за богом.

Живучий, сколько ни дави
Войной и путчем,
Всегда по пояс то в крови,
А то и в худшем,

Heirs to the nation's great exploits,
Regrets belated –
By whom this temple* was destroyed,
By whom created.

“Salt of the Earth! Your inner feat!
You're Russian spirit!”
Cries every venal hypocrite
And sanctioned parrot.

And just a misfit, urban spume,
The bard's accomplice,
In all of them sees those to whom
All else seems hopeless.

The throng grew length- and number-wise.
It seemed unending.
It from its knees will never rise –
It did already.

The folk of miserable fate,
And backward rather,
Used to line up for ham, today –
For God the Father.

Surviving anything: the flood
Of wars and putsches,
Up to the chin in their own blood –
Or worse – as butchers,

---

* Cathedral of Christ the Savior where the relic was exhibited. Built in the 19th century, it was demolished by Stalin in 1931, and then rebuilt in 1995-2000. Currently the principal temple of the Russian Orthodox Church. Located two blocks away from the Kremlin, across the street from the Pushkin Art Museum (founded by Tsvetaeva's father).

Под стон калек, под звон оков,
Под брань и всхлипы, –
Не замечая, как с боков
Проходят ВИПы.

Державный зад, тигриный взгляд
Глазенок тусклых...
Их всех без очереди в ад
Потом пропустят.

Толпа безумцев городских,
Безгласный полис,
То красный пояс душит их,
То черный пояс.

Стоит беспомощная рать,
Осенний морок,
И вы их вправе презирать
Из ваших Горок.

Но пусть ваш пояс век подряд
На горле стянут –
За Божью Матерь тут стоят.
За вас – не станут.

2011

To clink of chains, to kid's appeals,
To cripple's kneeling, –
Not noticing as VIPs
Bypass them freely.

A stately butt, a lion's sight
Of dingy pupils...
To Hell be first to board the flight –
And have no scruples!

The city's lunatics, a throng
For voice unlicensed.
The red belt used to squeeze their throats,
Now black one vices.

The guard lines up in wind and cold,
Defenseless fellows.
And it is rightful that you scorn
Them from your villas.

But let their necks be tightened hard,
Their egos wounded –
They for Our Lady stand on guard.
For you – they wouldn't.

2011